

ЭПОХА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

ЯНВАРЬ

1886 г.

Редакція и Главная контора: Москва, Столешниковъ пер.,
домъ Карзинкина.

✚ УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ОБЕРТКѢ. ✚

ФЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ, КАКЪ ПСИХОЛОГЪ,
ПОДЪ СУДОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКИ (Эженъ Де-Вогюэ).

(Переводъ В. П. Бефани).

II.

22-го декабря 1849 года Достоевскій былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на четыре года. Можно себѣ представить положеніе этого человѣка мысли, съ чуткими нервами, безграничной самопожирющей гордостью, пылкимъ и болѣзненно настроеннымъ воображеніемъ среди подобной обстановки: однообразнаго физическаго труда, съ одной стороны, и вѣчнаго сообщничества людей, цинически грубыхъ и испорченныхъ,—съ другой. Федоръ Михайловичъ сознавался самъ,—и этому нельзя не вѣрить,—что худшимъ наказаніемъ его каторжной жизни была невозможность уединиться, остаться хотя бы на минуту одному со своими мыслями. Къ тому же этотъ юный, полный энергіи и силы писатель былъ лишенъ всякой возможности излить на бумагѣ свою наболѣвшую душу. А между тѣмъ вереницы мыслей и образовъ наполняли его воображеніе. Не имѣя свободнаго исхода, онѣ только ложились страшнымъ бременемъ на душу Достоевскаго. Испытаніе тяжелое; однако, Достоевскій пережилъ его и вышелъ очищеннымъ и подкрѣпленнымъ. Обо всемъ выстраданномъ мы узнаемъ изъ его же *Записокъ изъ Мертваго дома*. Говоря объ этомъ произведеніи, я не могу не посѣтовать на несправедливость и превратность судьбы литературныхъ произведеній.

Франція, какъ извѣстно, страна популярности. Чѣмъ же, напримѣръ, кромѣ простой случайности, можно объяснить, что имя и творенія Сильвіо Пеллико облетѣли весь цивилизованный міръ, причислены къ числу классическихъ, тогда какъ произведеніе Достоевскаго,—произведеніе, стоящее по художественному чувству мѣры и потрясающей силѣ впечатлѣнія, несравненно выше разсказа ломбардскаго узника, появляется впервые въ той же Франціи? Неужели же русскія слезы менѣе человѣчны, чѣмъ итальянскія?

Записки изъ Мертваго дома есть ничто иное какъ воспомнанія ссыльнаго Александра Горячникова, умершаго уже послѣ освобожденія. Въ продолженіе всей

десятилѣтней каторги Горячниковъ,—вѣриѣ самъ Достоевскій,—наблюдалъ страдающія души людей, съ которыми соприкасался, и результатомъ подобнаго изученія является цѣлый рядъ психологическихъ данныхъ, несравненныхъ по глубинѣ и силѣ. Пользуясь названіемъ „несчастные“ (какъ называетъ русскій народъ всѣхъ жертвъ правосудія), авторъ вызываетъ въ васъ чувство безконечнаго состраданія къ этимъ несчастнымъ, которыми окруженъ самъ. Подъ безцвѣтной, безформенной оболочкой, имъ присущей, ихъ суровой и мрачной внѣшностью Достоевскій умѣлъ различать характерныя особенности отдѣльных лицъ, проникнуть въ глубину души этихъ существъ, все-таки носящихъ образъ и подобіе Божіе. Избѣгая думать о проступкахъ этихъ людей, онъ, казалось, только умилялся при видѣ всей горечи искушенія, незамѣтно для васъ самихъ открывавшей искру Божію въ душѣ самаго закоснѣлаго преступника. Все содержаніе книги заключается въ томъ, что нѣкоторые изъ ссыльныхъ рассказываютъ автору исторію своей жизни. Самыми рельефными изъ этихъ признаній являются рассказы двухъ убійцъ, рѣшившихся на преступленіе ради любви: это солдатъ Баклушинъ и Акулькинъ мужъ. Что касается до другихъ, то авторъ не считаетъ нужнымъ затрогивать ихъ прошлое особенно глубоко. Онъ ограничивается тѣмъ, что изображаетъ сущность ихъ нравственности и дѣлаетъ это съ тѣмъ широкимъ размахомъ, который присущъ всѣмъ талантливымъ русскимъ писателямъ. Читая ихъ, вамъ кажется, будто всѣ предметы рисуются воображенію при блѣдномъ освѣщеніи едва занимающейся зари. Контуры опредѣлились не вполне, ихъ очертанія теряются въ туманной дали едва наступающаго дня. Что же касается до языка,—въ особенности языка народнаго, къ которому такъ охотно прибѣгаетъ Достоевскій,—то своей неопредѣленностью и пѣвучестью онъ неподобно сочетается съ характеромъ всѣхъ подобныхъ описаній.

Когда вы начинаете читать произведеніе Достоевскаго, васъ съ первыхъ же словъ поражаетъ какая-то душу раздирающая нота. Вы невольно задаетесь вопросомъ: какимъ образомъ удастся писателю справиться со своей постоянной манерой повышать безъ того уже мрачный тонъ и прогрессивно усиливать впечатлѣніе грусти и ужаса. Но Достоевскій вполне овладѣлъ своей задачей. Это ясно каждому, у кого только хватитъ мужества послѣдовать за авторомъ въ госпиталь, куда приводятъ арестантовъ послѣ наказанія. Врядъ ли возможно обрисовать страданія болѣе ужасныя, въ болѣе отталкивающей формѣ. Это можно просто привести въ отчаяніе нашихъ натуралистовъ и я, съ своей стороны, не совѣтывалъ бы имъ заходить такъ далеко въ подобныхъ описаніяхъ. А между тѣмъ Достоевскій не принадлежитъ къ ихъ школѣ. Въ чемъ собственно заключается различіе между ними и перомъ Федора Михайловича, опредѣлить трудно, но это чувствуется само собою. Прицая человѣка, посѣщающаго больницы изъ одного любопытства, вы не можете отказать въ уваженіи тому, кто дѣлаетъ это съ цѣлью врачевать раны. Слѣдовательно, все заключается въ на-

мѣреніи самого писателя, скрыть которое отъ читателя ему врядъ ли удастся. Но читатель охотно даритъ свою симпатію автору, разъ онъ убѣдился, что странный характеръ его творчества направленъ на исключительное служеніе нравственной идеѣ, что урокъ, данный намъ писателемъ, запечатлѣвается глубже въ умъ читателя при подобномъ способѣ преподаванія. Мы можемъ подвергнуть подобное сочиненіе критикѣ только со стороны эстетики.

Все вышесказанное примѣнимо и къ Достоевскому. Онъ писалъ, чтобы врачевать. Смѣлой, хотя и безжалостной, рукой отдернулъ онъ покрывало, скрывающее отъ глазъ даже самихъ русскихъ этотъ сибирскій адъ, этотъ ледяной кругъ Данта, теряющійся въ туманной дали. И меня беретъ просто отчаяніе, когда я пытаюсь сдѣлать этотъ міръ доступнымъ нашему пониманію, т.-е. сблизить на основаніи общихъ идей умы, населенные такими различными образами. Начиная съ раскольника, который желаетъ пострадать, и кончая писателемъ, съ такой покорной кротостью рассказывающимъ о собственныхъ страданіяхъ, это все положительно люди временъ дѣяній апостольскихъ. И эта кротость не есть только чисто виѣшняя. Достоевскій говорилъ тысячу разъ, что испытаніе принесло ему большую пользу, научивъ его любить своихъ братьевъ изъ народа, распознавать величіе ихъ души въ самыхъ страшныхъ преступникахъ. «Обращаясь со мной какъ злая мачиха, судьба была для меня родной матерью»,— говорилъ онъ часто.

Послѣдняя глава *Записокъ изъ Мертваго дома* могла бы быть названа: «Возрожденіе». Вслѣдъ за авторомъ вы слѣдите за развитіемъ въ душѣ плѣнника сознанія скорого освобожденія. Все что наполняетъ душу ссыльнаго при приближеніи свободы и въ самую минуту освобожденія, передано Достоевскимъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Кажется, будто вы видите, какъ занимается заря, какъ, послѣ непродолжительной борьбы съ темнотой, свѣтъ вступаетъ въ свои права, наконецъ восходитъ солнце. Послѣднія недѣли своего пребыванія на каторгѣ, Горячниковъ имѣлъ возможность доставать книги, номеръ какого-нибудь журнала. Цѣлыя десять лѣтъ онъ не читалъ ничего кромѣ Евангелія, не имѣлъ никакихъ извѣстій изъ міра живыхъ; онъ съ жадностью ухватывается за нить современной жизни; но долгое отчужденіе отразилось на немъ; ему кажется, будто онъ вступаетъ въ какой-то новый міръ; онъ перестаетъ понимать совершенно простые вещи и съ ужасомъ спрашиваетъ себя: какими гигантскими шагами пошло его поколѣніе по пути прогресса? Чувства очень вѣроятныя въ душѣ вновь возродившагося человѣка. Торжественная минута настала наконецъ. Трогательно прощается онъ съ сотоварищами; разставаясь съ ними, онъ ощущаетъ даже нѣкоторое чувство сожалѣнія; человѣкъ оставляетъ повсюду частину своего я, даже и на каторгѣ. Онъ отправляется на кузницу; оковы падаютъ: онъ свободенъ.

III.

Первымъ изъ произведеній Достоевскаго, появившимся въ переводѣ у насъ, былъ его романъ *Униженные и оскорбленные*. Въ этомъ романѣ,—далеко не лучшимъ изъ произведеній Федора Михайловича,—авторъ знакомитъ насъ съ нѣсколькими страницами его собственной интимной жизни. Этимъ можетъ быть объясняется отчасти, что положеніе писателя, являющагося посредникомъ въ любви двухъ юныхъ существъ,—любви, доводящей до отчаянья его самого, передано замѣчательно вѣрно. Только надо думать, что наши французскія сердца болѣе эгоистичны; намъ по крайней мѣрѣ трудно представить себѣ подобное положеніе, продолжающееся такъ долго. Такое медленное развитіе драматическаго дѣйствія и двойная интрига, проходящая черезъ весь романъ, совершенно не соответствуютъ нашимъ понятіямъ о единствѣ творчества; отвлекая ваше вниманіе они только портятъ общее впечатлѣніе. Подобную двойственность замысла, рассчитанную на эффектъ, писатель, по всей вѣроятности, перенялъ у музыкальныхъ композиторовъ. Также какъ и у нихъ, основная драматическая завязка вызываетъ какой-то отдаленный отголосокъ; это оркестровая мелодія, транспонированная изъ хоровъ, раздающихся на сценѣ или, другими словами, это противоположныя зеркала, взаимно отражающія одинъ и тотъ же образъ. Слишкомъ ужъ это тонко для публики.

Достоевскій зачитывался Евгеніемъ Сю и, судя по нѣкоторымъ страницамъ его *Переписки*, я подозреваю, что въ этотъ періодъ О. М. находился подъ вліяніемъ нашего драматурга; по крайней мѣрѣ его князь Вальковскій просто какой-то злодѣй изъ мелодрамы, фигурировавшій на подмосткахъ театра Ambigu. Вообще говоря, Достоевскому никогда не удавались характеры изъ высшихъ классовъ общества; онъ ничего не понималъ въ сложной и вмѣстѣ сдержанной игрѣ страстей людей, привыкшихъ къ свѣтской жизни. Все сказанное относится, между прочимъ, и къ любовнику Наташи, вѣтренному, взбалмошному мальчишкѣ. Вполнѣ понимая, что предъявлять какія бы то ни было требованія разсудка по отношенію къ любви нелѣпо, что гораздо труднѣе наблюдать свою нравственную силу независимо отъ объекта, я все-таки не могу не замѣтить, что читатель не всегда склоненъ къ философіи; ему просто хочется чувствовать себя заинтересованнымъ судьбой героя, котораго уже полюбилъ. Вотъ почему онъ скорѣе готовъ примириться съ разбойникомъ, нежели съ глупцомъ. Конечно, я говорю все это съ нашей французской точки зрѣнія. Мы напримѣръ можемъ скорѣе допустить любовь гениальнаго человѣка къ простоватой дѣвушкѣ, нежели обратно. Тѣмъ не менѣе, я не могу не замѣтить, что въ исполненіи двухъ женскихъ характеровъ видна кисть великаго художника. Наташа—это воплощенная страсть, преданная и вмѣстѣ ревнивая; это какая-то жертва греческихъ трагедій, всецѣло повинующаяся неизбѣжному року. Нелѣ-

ли—образъ прелестнаго и вмѣстѣ душу раздирающаго ребенка, родная сестра привлекательныхъ дѣтей Диккенса. Какъ хорошо напримѣръ выражаетъ она, глубокую по своей простотѣ, евангельскую истину, живущую въ сердцахъ русскаго народа: «Да я буду лучше ходить по улицамъ и милостыню просить. Милостыню не стыдно просить: я не у одного человѣка прошу, я у всѣхъ прошу, а всѣ не одинъ человѣкъ; у одного стыдно, а у всѣхъ не стыдно; такъ мнѣ одна нищенка говорила; вѣдь я маленькая, мнѣ негдѣ взять».

Возвратившись въ Петербургъ, Достоевскій всецѣло отдался журналистикѣ. Много силъ и таланта потратилъ онъ на этотъ особенно привлекавшій его родъ дѣятельности. Онъ основалъ два органа, разсчитывая путемъ печати проводить въ жизнь свои убѣжденія примирить либераловъ съ славянофилами. Но начавшееся въ обществѣ броженіе и появленіе нигилизма заставило Достоевскаго направить свою литературную дѣятельность на изученіе этого новаго направленія, охватившаго духъ современнаго общества. Съ тѣхъ поръ Федоръ Михайловичъ отстранился отъ идеала чистаго искусства и отъ тяготѣвшаго надъ нимъ вліянія Гоголя.

Много неудачъ и нравственныхъ потрясеній,—какъ смерть жены и брата,—перенесъ писатель за періодъ времени отъ 1865 по 1871 г., что не помѣшало ему, однако, создать три большихъ романа: *Преступленіе и наказаніе*, *Идиотъ* и *Бѣсы*.

Преступленіе и наказаніе показываетъ, что талантъ Достоевскаго достигъ апогея своего развитія. Люди науки, посвятившіе себя изученію психическихъ сторонъ человѣческаго духа, прочтутъ, я увѣренъ, съ наслажденіемъ это изслѣдованіе въ области уголовной психологій, наиболѣе глубокое изъ появившихся, послѣ *Макбета* Шекспира. Но я боюсь, что многіе не въ состояніи будутъ окончить чтеніе этого романа. Это не удовольствіе, а добровольно налагаемая на себя болѣзнь, которая должна оставить послѣ себя нравственный слѣдъ. Словомъ чтеніе, невозможное для женщинъ и людей слишкомъ впечатлительныхъ.

Концепсія романа *Преступленіе и наказаніе* весьма не сложная. Въ умѣ молодаго человѣка рождается мысль объ убійствѣ. Мысль созрѣваетъ и онъ приводитъ ее въ исполненіе. Нѣкоторое время молодой человѣкъ защищается отъ преслѣдованій правосудія и, наконецъ, доведенный до необходимости чистосердечнаго признанія, цѣною тяжкаго наказанія искупаетъ свое преступленіе. Такимъ образомъ романъ является драмой чисто психологическаго характера; это борьба человѣка съ неотступно преслѣдующей его идеей. Единство дѣйствія сохранено вполне и всѣ окружающія лица и положенія имѣютъ значеніе только какъ элементы, могущіе способствовать тому или другому рѣшенію преступника. Первая часть романа посвящена описанію зарожденія и постепеннаго развитія ужасной мысли и проведена съ замѣчательной правдивостью и глубиной анализа. Студентъ Раскольниковъ, нигилистъ въ истинномъ

значеніи этого слова, человѣкъ безъ всякихъ правилъ, безъ опредѣленныхъ понятій о нравственности и долгѣ, но человѣкъ образованный, борется съ нищетой и состояніемъ нравственнаго угнетенія. Необходимость заставила его обратиться къ какой-то старухѣ-ростовщицѣ, и тутъ-то, получая ссуду, въ головѣ Раскольникова впервые мелькнула мысль объ убійствѣ. Понятно, что подобная мысль можетъ осуществиться только при согласіи воли; Раскольниковъ же не придавалъ ей сначала никакого значенія. Но зародившаяся мысль не покидаетъ молодого человѣка, мало-по-малу она переходитъ въ неотступно преслѣдующую его *idée-fixe*. вмѣстѣ съ нею развивается и укрѣпляется согласіе воли. Всѣ печальныя сцены дѣйствительной жизни, къ которымъ Раскольниковъ чувствовалъ себя прикосновеннымъ когда бы то ни было, казалось, только наталкивали его на эту мысль; помощью таинственной внутренней работы всѣ онѣ преобразуются въ какихъ-то руководителей преступленія. И эта-то сила, подобная силѣ судьбы, рока древнихъ греческихъ трагедій, всецѣло властвующей надъ человѣкомъ, облечена въ плоть и кровь съ такой образностью, что мы невольно представляемъ ее себѣ въ видѣ какого-нибудь дѣйствующаго лица реальной жизни; она управляетъ дѣйствіями преступника до той минуты, пока топоръ не падаетъ надъ головами обѣихъ жертвъ. Преступленіе совершено.

Начинается борьба несчастнаго съ воспоминаніями преступленія,—борьба, подобная той, которую онъ уже испыталъ при столкновеніи воли съ замысломъ. Вся жизнь его, отношенія къ обществу измѣнились. Сознаніе совершеннаго преступленія и нравственной отвѣтственности, лежащей на немъ, поставили Раскольникова въ положеніе совершенно исключительное. И, смотря на общество сквозь призму этой чисто личной исключительности, онъ придавалъ ему новую, совершенно особую окраску, которая не давала ему возможности сближаться съ людьми; заставляла его мыслить и чувствовать не такъ, какъ всѣ; лишила постоянного, опредѣленнаго положенія среди своихъ собратьевъ. Словомъ гармонія его души съ окружающимъ міромъ была нарушена. Это не чувство раскаянія. не постоянное угрызеніе совѣсти въ классическомъ значеніи слова. Нѣтъ! Раскольниковъ познаетъ всю благотѣльную силу этого примиряющаго чувства не раньше, какъ рѣшившись страданіемъ искупить свое преступленіе. И Достоевскій прекрасно отѣнилъ всю перипетію сложныхъ ощущеній, волновавшихъ душу убійцы. Онъ и досадовалъ, что такъ дурно воспользовался выгодами преступленія, и возмущался противъ нравственныхъ послѣдствій, совершенно неожиданно для него явившихся результатомъ убійства, наконецъ, стыдился сознанія собственной слабости, потому что основной чертой характера Раскольникова является все-таки гордость. Самое положеніе, въ которомъ очутился Раскольниковъ послѣ совершенія убійства, опредѣлило и цѣль его жизни—это постоянная боязнь быть заподозреннымъ въ преступленіи,

заставлявшая его хитрить съ людьми, а съ полиціей въ особенности. Въ то же время онъ ищетъ общества полицейскихъ, старается сближаться съ ними. Чувство, подобное тому, которое привлекаетъ насъ къ краю пропасти, чтобы испытать головокруженіе, заставляло убійцу вступать въ безконечные разговоры съ приставомъ слѣдственныхъ дѣлъ Порфиріемъ Петровичемъ. Раскольниковъ доводитъ эти разговоры до крайней степени: кажется, еще одно слово и послѣдуетъ признаніе; а между тѣмъ убійца уже ушелъ въ себя и попрежнему продолжаетъ свою опасную игру. Порфирій давно угадалъ тайну студента и играетъ имъ, какъ кошка съ мышью, увѣренный, что жертва не избѣжитъ его рукъ; ослѣпленная, она сама попадетъ въ ловушку. И Раскольниковъ знаетъ, что убійство его предугадано Порфиріемъ. Тѣмъ не менѣе, іезуитскій разговоръ двухъ соперниковъ тянется въ продолженіе нѣсколькихъ главъ,—разговоръ, замѣчательный своей двойственностью: улыбающіяся губы отрицаютъ всякое участіе въ преступленіи, въ то время какъ взглядъ подтверждаетъ его.

Только продливъ напряженное вниманіе читателя довольно долго и тѣмъ самымъ совершенно измучивъ его, авторъ выводитъ на сцену благотѣльное вліяніе, долженствовавшее сломить гордость виновнаго и примирить его съ самимъ собою, заставляя принять должное наказаніе какъ искупленіе. Вліяніе это является въ образѣ падшей дѣвушки, любимой Раскольниковымъ. Но да не подумаетъ читатель, что подобной быстрой развязкой Достоевскій закончилъ интригу своего романа, тѣмъ банальнымъ образомъ, какъ заканчивали наши романисты пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, выводя на сцену любовь ссыльнаго къ проституткѣ,—любовь, взаимно искупающую обоюдныя прегрѣшенія. Проницательность художника въ томъ и заключается, что онъ угадываетъ психическое состояніе человѣка, вызванное сознаніемъ тяготѣвшаго надъ нимъ преступленія. Такой человѣкъ не можетъ уже отдаться чувству любви съ той непосредственностью и силой, какъ человѣкъ свѣжій, не имѣющій за собой печальнаго прошлаго. Въ сдержанномъ выраженіи любви перваго всегда отражается какое-то мрачное отчаяніе. Соня,—кроткое, покорное существо, проданное изъ-за куска хлѣба,—повидимому совершенно не сознаетъ своего положенія падшей женщины: она переноситъ его смиренно и безропотно, какъ какую-то неизбѣжную болѣзнь, какъ крестъ, ниспосланный судьбой. Но Соня искренно привадалась къ единственному человѣку, не бросившему ей въ лицо презрѣнія. А между тѣмъ она видитъ, что какая-то ужасная тайна терзаетъ его; она убѣждаетъ Раскольникова сказать въ чемъ дѣло. Преступникъ упорствуетъ. Наконецъ, послѣ долгой борьбы, признаніе это вырывается изъ устъ его. То-есть, нѣтъ, онъ не проронилъ не единого слова; только въ безмолвной сценѣ, могущей считаться верхомъ трагическаго искусства, Соня читаетъ въ глазахъ несчастнаго его приговоръ. На минуту бѣдная дѣвушка поражена. Но

она быстро оправляется и изъ груди ея вырываются отчаянные вопли: «За тобой пойду, всюду пойду!... Вмѣстѣ, вмѣстѣ... въ каторгу съ тобой вмѣстѣ пойду!...»

Здѣсь Достоевскій возвращается опять къ своей излюбленной темѣ, а именно къ глубокому проникновенію духомъ христіанства всего русскаго народа, твердо вѣрующаго въ искупительную силу страданія. Мысль эта подтверждается особенно сильно при описаніи отношеній Раскольникова къ Сонѣ. Характеризовать этотъ грустный, благоговѣйный союзъ двухъ любящихъ сердецъ, заключающій въ себѣ такъ мало того, что связано съ понятіемъ о любви, можно только словами: сочувствіе, состраданіе. Это именно то, что подразумевалъ нашъ знаменитый проповѣдникъ Боссюэтъ, говоря: «страдать съ кѣмъ-нибудь и чрезъ кого-нибудь». Когда Раскольниковъ падаетъ къ ногамъ дѣвушки, поддерживающей существованіе родителей путемъ собственнаго позора, и когда это несчастное, презираемое всѣми существо бросается въ испугѣ, чтобы поднять его, онъ произноситъ фразу, заключающую въ себѣ весь тайный смыслъ разбираемаго романа: «Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился!» Не могу не замѣтить при этомъ, что Достоевскому никогда не удавалось изобразить любовь во всей ея чистотѣ, какъ простое влеченіе двухъ любящихъ сердецъ; онъ всегда вдавался въ крайности: или рисовалъ намъ какое-то необъяснимое, полное мистицизма состраданіе, безграничную преданность къ существу несчастному, или какую-то нечеловѣческую, чисто звѣрскую страсть. Его любовники сотканы не изъ плоти и крови, а изъ нервовъ и слезъ. Этимъ только и можно объяснить повидимому совершенно непонятную особенность его таланта; писатель реальный, не скупящійся на положенія скабрзныя, эпизоды самаго скромнаго содержанія, онъ наводитъ васъ только на тяжелыя, грустныя мысли; чтеніе его романовъ не дѣйствуетъ на чувственность читателя да и врядъ ли во всѣхъ произведеніяхъ этого автора найдется хотя одна страница, на которой фигурировала бы женщина-соблазнительница. Достоевскій изображаетъ обнаженнаго человѣка только подъ скальпелемъ хирурга на постели страданія. Натура порывистая—писатель, способный увлекаться только крайностями. Федоръ Михайловичъ могъ изображать или ангела, или звѣря.

Развязка романа предвидится заранѣе. Послѣ продолжительной борьбы Раскольниковъ сознается въ преступленіи и приговоренъ къ ссылкѣ, Соня научаетъ его молиться; искупленіе возвышаетъ эти падшія созданія. Достоевскій сопровождаетъ ихъ въ Сибирь, пользуясь случаемъ, чтобы, въ формѣ эпилога, привести еще главу изъ жизни *Мертваго дома*.

Еслибы возможно было удалить изъ романа его героя, то и лица второстепенныя могли бы доставить матеріалъ для размышленія на цѣлые годы. Попробуйте взглянуть въ Мармеладова, Порфирія и загадочную личность Свид-

ригайлова, который, надо думать, убилъ свою жену и который сближается съ Раскольниковымъ, чтобы говорить о преступленіяхъ. Рамки статьи не позволяютъ мнѣ слишкомъ распространяться, тѣмъ болѣе что романъ этотъ уже переведенъ. Но если у насъ есть писатели, стремящіеся облагородить произведенія экспериментальной школы, не принося въ жертву ихъ жестокости, то я рекомендую ихъ вниманію разсказъ Мармеладова, поминки и въ особенности сцену убійства. Прочитавши разъ, уже никогда ее не забудешь. Но есть мѣста и еще болѣе сильныя, напримѣръ, когда Раскольниковъ, постоянно возвращающійся къ мѣсту преступленія, хочетъ воскресить въ своей памяти впечатлѣнія убійства; онъ дергаетъ за звонокъ, чтобы этотъ звукъ напомнилъ ему уже пережитыя ощущенія ужасныхъ минутъ. Не могу при этомъ не возвратиться къ тому, что уже говорилъ и прежде объ особенностяхъ творчества русскихъ писателей вообще и Достоевскаго по преимуществу.

По мѣрѣ того какъ повѣствованіе принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры, вы начинаете замѣчать, что отдѣльныя части разсказа, мельчайшія детали исчезаютъ; онъ совершенно утрачиваютъ свое значеніе и вы боитесь, какъ бы только не потерять нити разсказа; вы съ особеннымъ интересомъ слѣдите за разговорами дѣйствующихъ лицъ, — разговорами, точно сотканными изъ мельчайшихъ электрическихъ нитей, приводящихъ васъ въ содроганіе, точно отъ проходящаго тока, постоянно поддерживающаго васъ въ напряженномъ состояніи. Вы пропустили безъ вниманія какое-нибудь слово, незначительный фактъ, занимающій въ романѣ двѣ-три строки, а страницъ черезъ пятьдесятъ далѣе наталкиваетесь на событіе, являющееся какъ бы слѣдствіемъ всего сказаннаго выше, — его отраженіемъ. Вы припоминаете уже забытыя вами подробности, чтобы объяснить себѣ перемѣну, происшедшую въ душѣ интересующаго васъ субъекта; она явилась результатомъ случайно брошенныхъ зародышей, вызванныхъ на свѣтъ извѣстнымъ образомъ, сложившимися обстоятельствами. Чтобы провѣрить мои слова, попробуйте забѣжать на нѣсколько страницъ впередъ, вы ничего не поймете. Возмущаясь многословіемъ автора, массой излишнихъ, какъ вы думали, подробностей, вы только перервали токъ. По крайней мѣрѣ такъ передавали мнѣ всѣ, продѣлывавшіе этотъ опытъ. *Но что же можно сказать послѣ этого о нашихъ романахъ, чтеніе которыхъ вы можете начинать съ одинаковымъ интересомъ какъ съ одного, такъ и съ другого конца.* Достоевскій совсѣмъ не даетъ вамъ передышки: онъ утомляетъ васъ, какъ можетъ только утомить горячая, кровная лошадь своего сѣдока; прибавьте къ этому необходимость разобраться между массой персонажей, изъ которыхъ многіе скользятъ подобно тѣнямъ по общему фону картины. Результатомъ всего этого является для читателя страшное напряженіе вниманія и памяти. Вы читаете Достоевскаго, какъ бы читали философскій трактатъ; нужно ли назвать подобное чтеніе удовольствіемъ или трудомъ — рѣшить невозможно. Это зависитъ отъ

индивидуальности читателей. Впрочемъ переводъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, а переводъ г. Дерели безспорно хорошъ и необыкновенно точенъ,—все-таки не можетъ передать всего тайнаго смысла оригинала.

Появленіе романа *Преступленіе и наказаніе* совершенно упрочило литературную славу Достоевскаго. Въ продолженіе всего 1866 года только и говорили объ этомъ великомъ событіи въ русской литературѣ. Вся Россія положительно зачитывалась этимъ произведеніемъ. Въ Москвѣ нашелся даже студентъ, который убилъ закладчика при условіяхъ совершенно аналогичныхъ, изображеннымъ авторомъ романа. Было бы интересно на основаніи статистическихъ данныхъ о совершенныхъ съ того времени убійствахъ прослѣдить степень вліянія романа Достоевскаго на умы читателей. Само собою разумѣется, что Ѳедоръ Михайловичъ не имѣлъ въ виду возможности вліянія на массу съ этой стороны. Изображеніемъ нравственныхъ страданій, вызванныхъ сознаніемъ совершеннаго преступленія, онъ думалъ, напротивъ того, отвратить всякія попытки подобнаго рода, онъ забылъ о стремленіи къ подражанію, гнѣздящемся въ мало развитыхъ умахъ. Тѣмъ не менѣе, все вышесказанное ставитъ меня въ необыкновенное затрудненіе сдѣлать оцѣнку нравственной стороны этого романа. Наши писатели скажутъ, конечно, что я принимаю на себя совершенно излишній трудъ; они не допускаютъ необходимости подобной оцѣнки по отношенію къ художественному произведенію; точно возможно какое бы то ни было проявленіе творчества помимо его нравственнаго значенія! Но русскіе писатели не упускаютъ изъ виду того нравственнаго вліянія, которое они могутъ оказывать на массу. Для нихъ не существуетъ болѣе сильнаго порицанія, какъ упрекъ въ томъ, что они служатъ формѣ, а не идеѣ.

IV.

Какъ я уже сказалъ, романъ *Преступленіе и наказаніе* былъ высшей точкой развитія таланта Достоевскаго. Правда, онъ сдѣлалъ еще и послѣ него нѣсколько орлиныхъ взмаховъ крыла, но при этомъ онъ вращался въ мгlistомъ кругѣ, надъ которымъ нависло сумрачное небо. Его *Идиотъ*, *Бѣсы* и въ особенности *Братья Карамазовы* страшно утомляютъ своими длиннотами. Въ этихъ романахъ дѣйствіе играетъ роль канвы, на которой появляются всѣ теоріи, типы, образы, встрѣчаемые когда-либо авторомъ или только населяющіе его адское воображеніе. Это своего рода *Искушеніе святаго Антонія*, гравированное Каллотомъ. Читатель окруженъ толпою китайскихъ тѣней, мелькающихъ въ разсказѣ; это все какія-то взрослые дѣти, скрытныя, болтливыя и вмѣстѣ любопытныя, вѣчно копошащіяся одинъ у другаго въ душѣ. Почти весь романъ состоитъ изъ діалоговъ разнаго рода соперниковъ, въ которыхъ каждый старается вырвать у другаго его тайну, прибѣгая къ уловкамъ, достойнымъ краснокожихъ индійцевъ. По большей части это или любовь, или тайный за-

мысль, или скрытое преступленіе; въ такомъ случаѣ разговоры эти напоминаютъ протоколы временъ Іоанна Грознаго или Петра I. Иногда диспутанты усиливается проникнуть во всѣ извилины своихъ религіозныхъ и философскихъ вѣрованій; подобно двумъ докторамъ-схоластикамъ въ Сорбоннѣ, стараются они превзойти одинъ другаго въ утонченности и мрачной суровости діалектики. Это что-то въ родѣ разговоровъ Гамлета съ матерью, Офеліей и Полоніемъ,— разговоры, надъ которыми вотъ уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ работаютъ комментаторы, чтобы рѣшить вопросъ: былъ ли Гамлетъ сумасшедшій или нѣтъ? Мнѣ кажется, что подобный вопросъ можно примѣнить и къ героямъ Достоевскаго. Говорили, даже и не разъ, что не только герои романа, но и самъ писатель, отраженіемъ котораго являлись эти герои, былъ сумасшедшимъ въ той же мѣрѣ, какъ и Гамлетъ. Но я нахожу это послѣднее мнѣніе и страннымъ, и крайне не деликатнымъ; оно вырвалось, по всей вѣроятности, изъ глубины тѣхъ несложныхъ организацій, которыя не въ состояніи понять инаго психическаго состоянія, кромѣ собственнаго. Изучая Достоевскаго, нельзя ни на минуту забывать его любимой фразы, такъ часто появляющейся подъ его перомъ,—это «Россія есть игра природы». Что же дѣйствительно является аномаліей въ нѣкоторыхъ изъ этихъ лунатиковъ, описанныхъ романистомъ, такъ это постоянное самосозерцаніе, постоянный анализъ своего внутренняго я. Стоитъ только автору предписать имъ какое бы то ни было дѣйствіе, и, покорные беспорядочному импульсу собственныхъ нервовъ, они набрасываются на него мгновенно; разумъ, регулирующий и обуздывающій движенія человѣка, повидимому не проявляется въ нихъ, это воля, предоставленная самой себѣ, какія-то, чисто элементарныя силы.

Попробуйте прослѣдить указанія на физическое состояніе лицъ, выведенныхъ въ романахъ Достоевскаго; мы же узнаемъ о перемѣнахъ въ душевномъ настроеніи человѣка по внѣшнимъ признакамъ его тѣла. А между тѣмъ Достоевскій никогда не изображаетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ сидящими за столомъ, занимающимися, преданными какому-нибудь занятію. «Онъ лежалъ на диванѣ съ закрытыми глазами, но безъ сна... Онъ бродилъ по улицѣ, не сознавая гдѣ находится... Онъ былъ недвижимъ, тогда какъ взглядъ его блуждалъ въ пространствѣ...» Вы совсѣмъ не знаете, когда эти люди ѣдятъ; они только пьютъ чай, и то по ночамъ; многіе изъ нихъ употребляютъ алкоголь; всѣ они спятъ очень мало; всѣхъ посѣщаютъ видѣнія; такимъ образомъ вы найдете въ произведеніяхъ Достоевскаго больше описанія сновъ, нежели во всей нашей классической литературѣ. Кромѣ того, вы едва ли перевернете какихъ-нибудь двадцать страницъ, не встрѣтивъ выраженія «лихорадочное состояніе». Дѣйствующія лица Достоевскаго находятся въ постоянной лихорадкѣ; стоитъ имъ только придти въ соприкосновеніе съ людьми, себѣ подобными, и вы читаете на каждой строчкѣ слѣдующія выраженія: «Онъ вздрогнулъ... онъ

вскочилъ... лицо его исказилось... онъ поблѣднѣлъ какъ воскъ... губа дрожала... зубы стучали...» Или же разговоръ внезапно прерывается длиннѣйшей паузой, въ продолженіе которой противники фиксируютъ во всѣ глаза, смотря другъ на друга. Положительно я не могу указать ни на одно изъ цѣлаго ряда лицъ, выведенныхъ Достоевскимъ, которое бы д-ръ Шарко не призналъ за больного.

Наиболѣе цѣльнымъ характеромъ въ произведеніяхъ Федора Михайловича, является его излюбленное дѣтище—*Idiotъ*. Онъ составляетъ содержаніе цѣлаго тома и изображаетъ самого автора, какимъ тотъ желалъ бы видѣть себя. Прежде всего его идиотъ страдаетъ эпилепсіей, припадки которой придаютъ совершенно неожиданную развязку всѣмъ сильнымъ сценамъ. И авторъ описываетъ его болѣзненные ощущенія съ особеннымъ наслажденіемъ: онъ рассказываетъ, какъ за нѣсколько минутъ до припадка все существо эпилептика бываетъ охвачено какимъ-то безконечнымъ экстазомъ; и мы охотно вѣримъ всему этому. Прозвище «идиотъ» осталось за княземъ Мышкинымъ съ дѣтства, когда болѣзнь задержала развитіе его умственныхъ способностей и сдѣлала его нѣсколько страннымъ. Все это патологическія данныя, отрицать которыя мы не можемъ: принимая же ихъ, не можемъ не сознаться, что характеръ «идиота» проведенъ съ поразительною послѣдовательностью и правдой.

Надо думать, что первоначальной мыслью Достоевскаго было желаніе перенести въ современную жизнь типъ Донъ-Кихота,—этого идеала, мстителя за всѣхъ обиженныхъ. По крайней мѣрѣ, въ романѣ есть нѣкоторыя мѣста, которыя положительно указываютъ, что авторъ имѣлъ въ виду этотъ образецъ; но, увлеченный собственнымъ произведеніемъ, Достоевскій пошелъ дальше разъ намѣченнаго идеала. Въ лицѣ изображаемаго имъ «идиота» онъ сгруппировалъ величественныя евангельскія черты. Образъ, созданный собственнымъ воображеніемъ, онъ постарался возвеличить до нравственныхъ размѣровъ святаго. И вы дѣйствительно видите передъ собой существо исключительное,—человѣка, въ полномъ значеніи этого слова, какъ по силѣ ума, такъ и по зрѣлости сужденій, соединяющаго дѣтскую простоту и наивность сердца. Это само воплощеніе словъ евангельскаго ученія: будьте просты какъ дѣти. Таковымъ представляется намъ князь Мышкинъ-идиотъ. Благодаря счастливой случайности, нервная болѣзнь только способствовала развитію всѣхъ характерныхъ особенностей этого феномена; она задержала развитіе тѣхъ сторонъ нашего ума, которыя могутъ считаться недостатками, какъ-то: высокомеріе, насмѣшливость, эгоизмъ. За то всѣ благородныя стороны человѣческаго духа, получили въ характерѣ князя Мышкина вполне свободное развитіе. Только что вышедши изъ лѣчебницы, этотъ необыкновенный молодой человѣкъ очутился въ водоворотѣ обыденной жизни. Вамъ кажется, что онъ долженъ погибнуть, такъ какъ не обладаетъ дурными задатками, которыми мы пользуемся какъ орудіемъ самозащиты. Но простота и правдивость идиота оказались сильнѣе всевозможныхъ коварныхъ замысловъ,

направленныхъ противъ него; онъ преодолеваетъ все препятствія и выходитъ побѣдителемъ. Его наивная мудрость является рѣшающимъ словомъ всехъ спорныхъ вопросовъ. Это часто выраженія, проникнутыя глубокимъ аскетизмомъ, какъ, напримѣръ, слова, сказанныя умирающему: «Проходите впередъ насъ и простите намъ наше счастье», или: «Я боюсь, что недостойнъ моего страданія», и тому подобныя. Мышкинъ живетъ среди плутовъ, ростовщиковъ, лгуновъ, которые третируютъ его какъ идіота и, въ то же время, не могутъ отказать ему въ невольномъ уваженіи и почтеніи; его нравственное вліяніе на всехъ этихъ людей такъ велико, что заставляетъ ихъ исправляться. Женщины, встрѣтившія насмѣшкой появленіе идіота, кончаютъ тѣмъ, что влюбляются въ него; но онъ отвѣчаетъ только нѣжнымъ сожалѣніемъ.

Въ этомъ произведеніи авторъ безпрестанно возвращается къ упорно преслѣдующей его мысли: къ превосходству человѣка простодушнаго и страдающаго. Но мнѣ хотѣлось взглянуть глубже на эту идею писателя. Чѣмъ объяснить, напримѣръ, такое раздражительное отношеніе русскихъ идеалистовъ къ мысли, къ полнотѣ счастья. Мнѣ кажется, они слишкомъ вѣруютъ въ то, что жить, дѣйствовать, думать—значитъ поступать и хорошо и дурно, смѣшивать добро со зломъ; лицо дѣйствующее непремѣнно и создаетъ, и разрушаетъ въ одно и то же время; оно пользуется опредѣленнымъ положеніемъ въ обществѣ всегда насчетъ кого-нибудь или чего-нибудь. Слѣдовательно, не думая и не дѣйствуя, вы только уничтожаете такое предназначеніе судьбы дѣлать зло на ряду съ добромъ. Но такъ какъ зло привлекаетъ болѣе, чѣмъ добро, то русскіе идеалисты ищутъ спасенія въ ничтожествѣ; они восхищаются и преклоняются передъ идіотомъ, существомъ пассивнымъ, бездѣтельнымъ; онъ, правда, не дѣлаетъ добра, за то не дѣлаетъ и зла; съ ихъ пессимистической точки зрѣнія, слѣдовательно, онъ лучшій.

Читая этотъ романъ, я чувствую себя окруженнымъ гигантами и чудовищами. Но какъ не упомянуть при этомъ о необыкновенно жизненной фигурѣ купца Рогожина, самой сильной изъ всехъ, изображенныхъ писателемъ. Страницы, описывающія мученія, вызванныя въ сердцѣ этого человѣка страстью, принадлежатъ перу великаго художника. Это страсть, достигшая до такого напряженія, что получаетъ способность приковывать къ себѣ; она заставляетъ любимую женщину придти къ нему, несмотря на то, что эта послѣдняя была убѣждена, что идетъ на вѣрную смерть. И тотъ дѣйствительно убиваетъ ее и проводитъ ночь у постели, на которой покоится его жертва, въ философскихъ разговорахъ съ пріятелемъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ни одной черты мелодрамы; сцена необыкновенно проста, по крайней мѣрѣ она кажется совершенно естественной автору, и потому-то и охватываетъ насъ какимъ-то леденящимъ ужасомъ. Не могу также обойти молчаніемъ фигуру пьянаго ростовщика, каждый вечеръ молящагося за упокой души графини Дюбари. Не подумайте, чтобы по-

добнымъ эпизодомъ Достоевскій хотѣлъ позабавить насъ. Нисколько. Говоря устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, онъ выражаетъ собственное сочувствіе къ Дюбари и всему, что она выстрадала за время пути къ мѣсту казни и минуты борьбы съ палачемъ.

Романъ *Бьсы* изображаетъ цѣлое революціонерное общество нигилистовъ. Все это люди, дѣйствительно одержимые какимъ-то бѣсомъ, которымъ, впрочемъ, бываютъ одержимы и другіе герои его романовъ. Чѣмъ, какъ не бѣсовскимъ навожденіемъ, можно объяснить поступки Наташи въ *Униженныхъ и оскорбленныхъ*, Раскольниковъ, въ *Преступленіи и наказаніи*, Рогожина въ *идіотахъ*, или всѣхъ этихъ заговорщиковъ романа *Бьсы*, лишающихъ жизни себя и другихъ безъ всякой причины, безъ всякой опредѣленной цѣли.

Появленіе романа *Бьсы* было вызвано литературнымъ соперничествомъ Достоевскаго съ Тургеневымъ. Въ своемъ романѣ *Отцы и дѣти* этотъ послѣдній подмѣтилъ и обрисовалъ только что зарождавшійся въ Россіи типъ нигилиста; онъ навсегда утвердилъ за нимъ характерное названіе, имъ самимъ придуманное. Но съ 1861 года характеръ нигилистовъ опредѣлился яснѣе; принявъ активное участіе въ движеніи современной жизни, подобные люди вышли уже изъ области чистой метафизики; они сдѣлались чѣмъ-то жизненнымъ, реальнымъ. Этотъ-то, уже принявшій нѣсколько иныя формы характеръ людей Достоевскій и изобразилъ въ своемъ романѣ *Бьсы*. Тургеневъ принялъ этотъ литературный вызовъ и отвѣтилъ на него романомъ *Новь*, появившимся три года спустя. Содержаніе обоихъ романовъ одинаково. Это описаніе заговора людей революціонной партіи, происходившаго въ одномъ изъ маленькихъ провинціальныхъ городковъ. Но еслибы мнѣ пришлось дѣлать сравнительную оцѣнку обоихъ произведеній, я не могъ бы не признать мягкаго писателя *Нови* побѣжденнымъ глубиной анализа драматическаго психолога. Достоевскій проникаетъ лучше Тургенева во всѣ изгибы этихъ страдающихъ душъ; сцена убійства Шатова, на примѣръ, воспроизведена авторомъ съ такой дьявольской силой, до которой Тургеневъ не могъ подняться никогда. Тѣмъ не менѣе, вы все-таки чувствуете, что всѣ эти нигилисты являются только отпрысками первоначальнаго типа Базарова въ романѣ *Отцы и дѣти*, Это чувствовалъ и Достоевскій подобное сознаніе приводило его просто въ отчаяніе.

Тѣмъ не менѣе Достоевскому выпала завидная доля предвозвѣстника и толкователя, потому что въ 1871 году, когда анархическая закваска таилась еще въ зародышѣ, авторъ рассказываетъ намъ о событіяхъ совершенно аналогичныхъ тѣмъ, которыя представились нашимъ глазамъ впослѣдствіи. Я самъ присутствовалъ при разборѣ дѣла объ агитаторахъ и могу подтвердить, что нѣкоторые изъ подсудимыхъ были живымъ воспроизведеніемъ лицъ, вызванныхъ на свѣтъ фантазіей автора. Своимъ романомъ Достоевскій какъ бы предсказалъ появленіе этихъ типовъ. Но, съ другой стороны, романъ этотъ—объясненіе;

стоитъ ему появиться въ переводѣ, чего я отъ души желаю, и, я увѣренъ, западъ узнаетъ настоящее рѣшеніе загадки, открыть которой ему не удастся, потому что онъ ищетъ его въ политикѣ. Достоевскій показываетъ намъ нѣсколько различныхъ категорій людей, въ которыхъ гнѣздятся подобныя вѣрованія. Это прежде всего человѣкъ простой, не глубокій, вѣрующій во все на-выворотъ, который приноситъ на служеніе атеизму собственныя благочестіе и набожность. Авторъ обрисовываетъ его поразительными штрихами: «Поручикъ Эркедь изрубилъ топоромъ и выбросилъ образа; поставилъ на полки, точно на люлитры, раскрытыя книги Фогта, Мошота и Бюхнера и зажегъ передъ ними восковыя свѣчи какъ передъ образами».

За простоватыми адептами слѣдуютъ у Достоевскаго люди слабые, безхарактерные, легко подчиняющіеся обаянію силы, слѣпо слѣдующіе за руководителями. Потомъ идутъ пессимисты размышляющіе, въ родѣ инженера Кириллова, люди, лишаящіе себя жизни вслѣдствіи нравственной невозможности жить,—люди, вниманіемъ которыхъ партія нигилистовъ черезъ-чуръ злоупотребляетъ. Человѣкъ безъ всякихъ принциповъ, рѣшившійся покончить съ собою, потому что не можетъ остановиться ни на какихъ жизненныхъ выводахъ, подчиняется, тѣмъ не менѣе, требованію партіи, какъ какому-то, не имѣющему для него значенія времяпрепровожденію. И наконецъ, худшіе изъ «бѣсовъ» тѣ, которые убиваютъ, чтобы заявить протестъ по отношенію къ существующему порядку вещей, котораго надо прибавить, сами не понимаютъ, они просто желаютъ сдѣлать новое и оригинальное примѣненіе собственной воли, наслаждаться страхомъ, который внушаютъ, утолить бѣшеное животное, скрывающееся въ нихъ. Главное достоинство романа,—запутаннаго, дурно построеннаго, страннаго и переполненнаго чисто апокалипсическими теоріями заключается въ томъ, что онъ даетъ намъ точное понятіе о дѣйствіяхъ совокупной силы нигилистовъ. Сила эта зиждется не на доктринахъ, разсѣянныхъ въ обществѣ, не на могуществѣ организаціи, она просто лежитъ въ основаніи характера нѣкоторыхъ людей. Достоевскій думаетъ,—и судебныя разбирательства подтвердили его взглядъ,—что идеи заговорщиковъ сами по себѣ ничтожны. Ихъ знаменитая организація ограничивается нѣсколькими мѣстными кружками, довольно дурно сплотившимися. Всѣ же подобныя призраки, какъ комитеты центральные, комитеты исполнительные, существуютъ только въ воображеніи довѣрчивыхъ послѣдователей. Взамѣнъ всего этого, Достоевскій выдвигаетъ особенно рельефно силу воли и желѣзный характеръ людей холодныхъ, съ одной стороны, и мягкость и нерѣшительность законной власти въ лицѣ ея представителя, губернатора Фонъ-Лембеке,—съ другой. Это, такъ сказать, противоположные полюсы, все пространство между которыми занимаетъ толпа слабыхъ. Кто обладаетъ большей магнитной силой, притягиваетъ и большое число этихъ слабыхъ. Не согласиться съ мнѣніемъ автора, что вліяніе на русскій народъ

оказывали не идеи, а самый характер этих смѣльчаковъ, нельзя. Но проницательный взглядъ философа не ограничивается этимъ. Онъ окидываетъ пространство, переходящее за границы Россіи, и находитъ, что всѣ люди вообще предъявляютъ слишкомъ мало требованій по отношенію къ идеѣ и относятся черезъ-чуръ скептически ко всякой программѣ. Люди, вѣрующіе въ абсолютную истину ученія, встрѣчаются все рѣже и рѣже. Большинство просто подчиняется силѣ характера; направленная даже на зло, она даетъ надежнаго руководителя и гарантируетъ устойчивость правленія,—этой первой основы всякой человѣческой ассоціаціи. Съ самаго рожденія человѣкъ все-таки рабъ всякой сильной воли, встрѣчаемой на его пути.

Съ появленіемъ въ свѣтъ романа *Бѣсы* и возвращеніемъ Достоевскаго въ Россію, отъ 1871—1881 г. начинается послѣдній періодъ жизни великаго писателя,—періодъ менѣе мрачный и тяжелый, нежели предъидущіе. Ѳедоръ Михайловичъ женился во второй разъ на особѣ умной и энергичной, помогавшей ему въ борьбѣ съ матеріальными затрудненіями. Популярность его росла. Успѣхъ, которымъ пользовались его произведенія, далъ ему возможность рассчитаться съ долгами. Но демонъ журналистики снова охватилъ его, Достоевскій началъ сотрудничать въ одномъ изъ петербургскихъ органовъ и кончилъ тѣмъ, что предпринялъ изданіе *Дневники писателя*. Это ежемѣсячное изданіе появлялось иногда и не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, что мы называемъ журналомъ или обзорѣмъ. Мнѣ кажется, еслибы въ Дельфахъ существовала какая-нибудь официальная газета, предназначенная для записыванія перемежающихся прорицаній Пифіи, то это было бы именно нѣчто подобное. Въ этомъ энциклопедическомъ листкѣ,—великомъ дѣлѣ его послѣднихъ дней,—Ѳедоръ Михайловичъ изливалъ всѣ политическія, соціальныя или литературныя мысли, осынявшія его, рассказывалъ анекдоты и воспоминанія изъ собственной жизни. Не знаю, вспоминалъ ли *Слова вѣрующаго* Ламенэ, только онъ заставлялъ вспоминать о нихъ очень часто. Я уже говорилъ, въ чемъ собственно заключались политическія убѣжденія Достоевскаго: это безконечная вѣра въ предназначеніе Россіи, хвалебный гимнъ добротѣ и смысленности русскаго народа. Подобныя восхваленія ускользаютъ отъ всякаго анализа и противорѣчія. Начатый наканунѣ войны съ Турціей *Дневникъ писателя* выходилъ аккуратно только въ періодъ этой патріотической лихорадки, отражая пароксизмы энтузіазма или разочарованія, потрясавшіе вооруженную Россію, русское оружіе. И чего только вы не найдете въ этой суммѣ славянскихъ мечтаній? Въ ней возбуждены всѣ вопросы, волновавшіе человѣчество, не достаетъ только системы доктринъ, за которую могъ бы ухватиться разумъ. Попадаются трогательные эпизоды, мастерски веденные рассказы,—перлы, теряющіеся въ мутныхъ волнахъ, которые, дни напоминаютъ собою великаго писателя. *Дневникъ писателя* пользовался успѣхомъ только въ кругу особенной, специальной публи-

ки, привязанной не столько къ идеямъ, сколько къ особѣ Федора Михайловича, звуку его голоса. Между прочимъ Достоевскій, работалъ еще въ это время и надъ послѣднимъ романомъ *Братья Карамазовы*. Я не сказалъ ни слова о романѣ *Подростокъ*, появившемся послѣ *Бьсовъ* съ цѣлью продолжить описаніе современнаго движенія,—романѣ, далеко уступающемъ своимъ предшественникамъ и пользовавшемся незначительнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, я не рассчитываю останавливаться и на *Братьяхъ Карамазовыхъ*. По общему отзыву, немногіе русскіе имѣли терпѣніе прочесть до конца эту безконечную исторію, хотя, несмотря на непростительныя длинноты, на сгустившіяся облака, вась окружающія, вы все-таки различаете въ немъ нѣсколько по истинѣ эпическихкихъ фигуръ, нѣсколько сценъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими въ произведеніяхъ писателя; такова, на примѣръ, сцена смерти ребенка.

Краткій обзоръ не можетъ, конечно, охватить всей дѣятельности подобнаго работника. Онъ написалъ четырнадцать томовъ ужаснаго русскаго формата въ 8-ю долю листа. А вѣдь каждый изъ нихъ содержитъ тысячи страницъ нашихъ французскихъ изданій. Я привожу все эти подробности, считая ихъ не бесполезными для насъ, такъ какъ матеріальная сторона изданія знакомитъ съ литературными нравами страны. Французскій романъ стремится принять наименѣе объемистую виѣшность, чтобы легко помѣститься въ дорожномъ мѣшкѣ на время путешествія по желѣзной дорогѣ. Тяжеловѣсный же русскій романъ предназначается для семейнаго стола гдѣ-нибудь въ деревнѣ, гдѣ онъ лежитъ въ продолженіе долгихъ зимнихъ вечеровъ и наводитъ на мысль о терпѣніи и вѣчности. Я какъ сейчасъ вижу Федора Михайловича, входящаго къ одному изъ друзей въ день выхода въ свѣтъ романа *Братья Карамазовы*. Указывая на книгу, которую держалъ подъ мышкой, онъ вскричалъ: «Вѣдь пять фунтовъ вѣсу». Несчастный взвѣшивалъ свое произведеніе и гордился тѣмъ, что, собственно говоря, должно бы было привести другаго въ отчаяніе. Желая обратить вниманіе нашихъ читателей на писателя, знаменитаго въ своей странѣ и совершенно незнакомаго у насъ, я, мнѣ кажется, могу считать свою задачу исчерпанной, если отмѣчу въ его произведеніяхъ три вещи, вполне знакомящія насъ съ различными сторонами его таланта: *Бѣдные люди*, *Записки изъ Мертваго дома*, *Преступленіе и наказаніе*. Имѣя въ виду указанія, которыя я попытался сдѣлать, читателю будетъ уже не особенно трудно высказать собственное сужденіе о характерѣ его творчества. Конечно, если смотрѣть на эти произведенія съ точки зрѣнія нашей эстетики и нашихъ вкусовъ, формулировать подобное сужденіе не особенно легко. Но въ томъ-то и дѣло, что на Достоевскаго нужно смотрѣть какъ на феномена изъ инаго міра, на чудовище, хотя и несовершенное, все же могущественное, единственное въ своемъ родѣ по оригинальности и силѣ. Содраганіе, которое охватываетъ вась, когда вы знакомитесь съ какимъ-нибудь изъ его

дѣйствующихъ лицъ, заставляетъ васъ предполагать, что вы натолкнулись на генія. Но литературный геній всеобъемлющъ и обладаетъ въ высокой степени чувствомъ мѣры. Онъ вполне овладѣваетъ мыслями, населяющими, его воображеніе, умѣетъ остановить свое вниманіе на самыхъ выпуклыхъ изъ нихъ, обрисовать нѣсколькими штрихами все, что онѣ выражаютъ. Кромѣ того, онъ охватываетъ жизнь во всей ея совокупности, изображаетъ ее во всѣхъ ея гармоническихъ проявленіяхъ. Свѣтъ созданъ совѣмъ не изъ одного только мрака и слезъ, въ Россіи, какъ и вездѣ, есть свѣтъ и веселье, цвѣты и радости. Только Достоевскій видѣлъ ихъ на половину, такъ какъ создавалъ произведенія печальныя или ужасныя. Это все равно, что путешественникъ, объѣздившій вселенную, прекрасно описавшій видѣнное, но путешествовавшій только ночью. Психологъ, несравненный когда имѣетъ дѣло съ мрачными и больными душами, искусный драматургъ, Достоевскій описываетъ только сцены соболѣзнованія и ужаса.

Люди, стремящіеся распредѣлять человѣческій умъ на различныя категоріи, поинтересуются узнать, реалистъ ли Достоевскій, или идеалистъ? Онъ настолько выдѣляется изъ общаго уровня, что не подходитъ ни къ какому опредѣленію. Какъ писатель реальный, никто не пошелъ дальше Достоевскаго: припомните только разсказъ Мармеладова въ романѣ *Преступленіе и наказаніе*, портреты ссыльных и картины ихъ жизни. Никто не позволилъ себѣ такъ много въ области мечты: представьте себѣ только личность идиота. Достоевскій изображаетъ дѣйствительную жизнь жестоко и правдиво, но его благочестивыя грезы часто увлекаютъ его и онъ паритъ надъ реальнымъ міромъ, дѣлая нечеловѣческія усилія въ своемъ стремленіи къ евангельскому совершенству. Назовите это, если хотите, реализмомъ мистическимъ. Натура двойственная, съ какой стороны ни посмотрите, Федоръ Михайловичъ соединялъ въ себѣ и душу сестры милосердія и умъ великаго инквизитора. Я воображаю его себѣ живущимъ въ другомъ вѣкѣ, — ни самъ онъ, ни его герои не принадлежатъ нашему времени, — я вижу его во времена великихъ жестокостей и безграничной преданности, колеблющимся между св. Винцентомъ Полемъ и Ломбардоманомъ; онъ и опережаетъ перваго, разыскивая покинутыхъ дѣтей, и догоняетъ втораго, чтобы не упустить зрѣлище ауто-да-фе. Вы можете слѣдовательно назвать его — сообразно съ тѣмъ какая сторона его таланта болѣе тронула васъ, — философомъ, апостоломъ, еумаснедшимъ, утѣшителемъ опечаленныхъ или палачемъ людей покойныхъ, Іереміей каторги или Шекспиромъ дома умалишенныхъ. Всѣ названія будутъ одинаково справедливы, хотя, взятыя порознь, ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ характера его таланта вполне. Быть можетъ къ нему примѣнимо то, что онъ сказалъ на страницѣ *Преступленія и наказанія* обо всемъ своемъ народѣ: «Русскіе люди вообще широкіе люди, Авдотья Романовна, — широкіе, какъ ихъ земля, и чрезвычайно склонны къ фантастическому, къ безпорядочному; но

бѣда быть широкимъ безъ особенной гениальности. Съ своей стороны, я согласенъ съ этимъ, хотя не могу не согласиться съ однимъ изъ великихъ современныхъ психологовъ: человѣкъ этотъ, говоритъ онъ, открываетъ новый кругозоръ на души инныя, чѣмъ наши; онъ приподнимаетъ завѣсу другаго міра, показываетъ натуры, болѣе насъ могучія для добра и зла, болѣе сильныя. чтобы желать и страдать».

V.

Съ разрѣшенія читателя я перейду къ воспоминанію своего знакомства съ Достоевскимъ; мнѣ кажется, что этимъ я только восполню пробѣлъ собственной статьи. Случай доставилъ мнѣ удовольствіе встрѣчаться довольно часто съ Федоромъ Михайловичемъ въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, и я могу сказать о его наружности то же, что уже говорилъ о выдающихся сценахъ его романовъ: кто видалъ его разъ,—не забудетъ никогда. Онъ являлся дѣйствительно отраженіемъ своихъ произведеній, всего пережитаго. Маленькій, худощавый, весь сотканный изъ нервовъ, съ отпечаткомъ тяжелыхъ шестидесяти лѣтъ, Достоевскій казался скорѣе увядшимъ, нежели состарѣвшимся; съ своей длинной бородой и бѣлокурыми волосами онъ имѣлъ видъ больного, возрастъ котораго опредѣлить трудно; тѣмъ не менѣе онъ все-таки проявлялъ эту «кошачью подвижность», о которой самъ говорилъ. Лицомъ онъ походилъ на русскаго крестьянина: приплюснутый носъ, маленькіе мигающіе глаза, то сверкающіе мрачнымъ огнемъ, то загорающіеся нѣжностью, широкій, покрытый выпуклостями и морщинами лобъ, вдавленные виски,—все это группировалось съ необыкновенною подвижностью, точно охваченное судорогой вокругъ многострадальнаго рта. Въ жизни своей я не встрѣчалъ человѣческаго лица съ такимъ выраженіемъ сосредоточеннаго страданія. Казалось, всѣ ужасы, пережитые душой и тѣломъ, положили на него свой отпечатокъ. Въ лицѣ этомъ вы прочитывали лучше, чѣмъ въ любой книгѣ, всѣ воспоминанія о мертвомъ домѣ, многолѣтнюю привычку къ страху, недовѣрію и страданію. Губы, рѣсницы, всѣ фибры этого лица вздрагивали, точно отъ нервной боли. Но когда лицо его вспыхивало гнѣвомъ, вы могли бы поклясться, что уже видѣли эту голову на скамьѣ подсудимыхъ или среди бродягъ, просящихъ милостыню. За то бывали минуты, когда оно выражало грустную кротость святыхъ на древнихъ славянскихъ иконахъ.

Въ этомъ человѣкѣ все носило отпечатокъ его народности. Это было какое-то необъяснимое соединеніе грубости, остроумія и кротости, которыми такъ часто обладаютъ великороссійскіе крестьяне,—и чего-то тревожнаго, быть можетъ средоточія мысли на этомъ лицѣ пролетарія. Съ перваго взгляда Достоевскій производилъ впечатлѣніе неблагоприятное; но это продолжалось до тѣхъ поръ, пока свойственная ему притягательная сила не вступала въ свои права. Обыкновенно

молчаливый Достоевскій начиналъ говорить тихо, медленно, но охотно; мало-помалу онъ воодушевлялся, защищая свои убѣжденія, не щадилъ никого. Отстаивая свой любимый тезисъ о превосходствѣ русскаго народа, ему нерѣдко приходилось говорить свѣтскимъ женщинамъ: «Вы не стоите послѣдняго мужика». Всякіе литературные диспуты О. М. оканчивалъ необыкновенно быстро: «Мы обладаемъ гениальностью всѣхъ народовъ,—останавливалъ онъ меня въ такихъ случаяхъ,—и сверхъ того еще и русскимъ гениемъ; слѣдовательно, мы можемъ понять васъ, тогда какъ вамъ не понять насъ никогда». Въ настоящее время я пытаюсь доказать противное,—да проститъ мнѣ его память. Къ сожалѣнію, онъ смотрѣлъ на всѣ событія запада съ забавной наивностью. Какъ теперь помню, его нападки на Парижъ. Это было въ одинъ изъ вечеровъ, когда вдохновеніе охватило Достоевскаго съ особенной силой. Онъ говорилъ съ чисто-библейскимъ огнемъ негодованія, какъ долженъ былъ говорить пророкъ Іона о Ниневіи. Вотъ его слова: «И прійдетъ пророкъ въ одну изъ ночей къ «*Salé anglais*»; огненными буквами начертаетъ онъ на стѣнѣ его три слова; это будетъ сигналомъ паденія древняго міра и Парижъ обрушится въ потокахъ крови и пламени со всей его гордыней, театрами и англійскимъ кафе...» Въ воображеніи прорицателя это невинное учрежденіе представлялось чѣмъ-то въ родѣ Содома, вертепомъ адскихъ и привлекательныхъ оргій, которое слѣдовало проклинать, чтобы отвратить отъ него. И онъ пророчествовалъ долго и краснорѣчиво на эту тему.

Очень часто Федоръ Михайловичъ напоминалъ мнѣ Жанъ-Жака Руссо: «Тотъ же нравъ, то же соединеніе грубости и идеализма, чувствительности и дикости; и въ основаніи всего этого та же безконечная любовь къ человѣчеству, которая вызвала къ обоимъ писателямъ симпатію современниковъ. Такой угрюмый въ обращеніи съ людьми, Достоевскій сдѣлался идоломъ почти всего русскаго юношества. Мало того, что молодежь ожидала съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ появленія въ свѣтъ его романовъ, его журнала, она приходила къ нему искать нравственной поддержки, добраго слова. Большую часть времени Федора Михайловича за послѣдніе годы жизни отнимала переписка: ему приходилось отвѣчать на кучу писемъ, являвшихся отголоскомъ безчисленныхъ страданій. Чтобы объяснить себѣ вліяніе Достоевскаго на весь этотъ міръ «бѣдныхъ людей» въ его поискахъ за новымъ идеаломъ, нужно было пожить въ Россіи въ этотъ смутный періодъ. Обаяніе Тургенева, какъ художника-беллетриста, начало меркнуть. Толстой имѣлъ вліяніе какъ философъ; онъ былъ доступенъ только разуму. Достоевскій обратился къ сердцу и приобрѣлъ самое сильное руководящее значеніе въ современномъ движеніи умовъ. Въ 1880 году, во время торжества русской литературы, при открытіи памятника Пушкину, популярность Достоевскаго подавила всѣхъ его соперниковъ. Рѣчь его прерывалась рыданіями; студенты толпились вокругъ эстрады, чтобы лучше разглядѣть его, дотронуться до него; волненіе публики было такъ сильно, что одинъ молодой человѣкъ упалъ безъ чувствъ, видя себя

лицомъ къ лицу съ Достоевскимъ. Федора Михайловича вынесли на рукахъ. Но его величіе проявилось вполнѣ только въ день его смерти. Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ объ этомъ апофеозѣ. Впечатлѣніе, пережитое нами въ эти тяжелыя минуты, покажетъ лучше всякой критики, чѣмъ былъ этотъ человѣкъ для своей страны.

10-го февраля 1881 года друзья Достоевскаго сообщили мнѣ о его смерти, послѣдовавшей наканунѣ, послѣ непродолжительной болѣзни. Мы отправились на квартиру Федора Михайловича въ Кузнечный переулокъ, чтобы присутствовать на панихидѣ. Но толпа, осаждавшая подъѣздъ квартиры покойнаго, была настолько велика, что намъ едва удалось пробраться въ кабинетъ, гдѣ лежалъ усопшій. Скромная комната, съ кучей разбросанныхъ въ безпорядкѣ бумагъ, была переполнена незнакомыми посѣтителями, тѣснившимися у гроба. Это было первое отдохновеніе писателя, и я увидалъ впервые покой въ этихъ чертахъ лица, обыкновенно подернутыхъ страданіемъ. Въ настоящую минуту, чуждый всякой горечи, онъ покоился въ сладкомъ забытіи среди массы цвѣтовъ. Толпа увеличивалась ежеминутно; видны были плачущія женщины, шумно пролагающіе дорогу мужчины. Въ комнатѣ было нестерпимо жарко. Вдругъ всѣ свѣчи, горѣвшія у гроба, покачнулись и потухли; только мягкій свѣтъ зажженной у образовъ лампы, разгонялъ внезапно наступившую темноту. На лѣстницѣ произошло движеніе: толпа народа хлынула съ новой силой и толкнула стоявшихъ впереди прямо на покачнувшійся гробъ. Несчастная вдова, притиснутая съ двумя дѣтьми между столомъ, на которомъ стоялъ гробъ, и стѣной, наклонилась надъ труномъ мужа, стараясь удержать его. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ намъ казалось, что покойникъ будетъ опрокинутъ; со всѣхъ сторонъ охваченный человеческой волной, гробъ закачался. Тогда мнѣ показалось, что весь смыслъ дѣятельности покойнаго промелькнулъ предо мной, подобно мимолетному видѣнію. Дѣйствующія лица его романовъ предстали предо мной въ образѣ всѣхъ этихъ чуждыхъ мнѣ людей; воображеніе указало мнѣ на нихъ въ книгѣ, дѣйствительность отразила образы ихъ въ жизни; она представила ихъ дѣятельными участниками страшной сцены. Даже и послѣ смерти люди, подобные изображеннымъ въ его романахъ, не переставали мучить Достоевскаго. Къ его останкамъ приносили они свое грубое, неуклюжее выраженіе чувствъ, не боясь тѣмъ самымъ профанировать предметъ своей любви.

Два дня спустя, глазамъ нашимъ представилось подобное же зрѣлище, принявшее размѣры еще болѣе грандіозныя. Это было 12-го февраля 1881 года, въ день погребенія Достоевскаго. Россія не видала похоронъ болѣе величественныхъ, болѣе знаменательныхъ, и кто видѣлъ это шествіе—видѣлъ страну контраростовъ во всемъ ея разнообразіи.

Рѣчей было произнесено множество. Говорили официальные представители, студенты, славянофилы и либералы, журналисты и поэты; каждый высказывалъ

свой взглядъ на идеаль, выяснялъ значеніе усопшаго, какъ сторонника своей идеи, а главное, какъ это всегда дѣлается, льстилъ собственному самолюбію. Февральскій вѣтеръ уносилъ и снѣжную пыль, и сухія листья, и всѣ эти звуки человѣческаго краснорѣчія, а я стоялъ въ раздумьи, стараясь постигнуть нравственное значеніе этого человѣка и его дѣятельности. Я былъ въ такомъ же затрудненіи, какъ и при оцѣнкѣ его литературнаго значенія. Достоевскій изливалъ на народъ и пробуждалъ въ немъ духъ состраданія, духъ благочестія. За то путемъ какихъ крайнихъ взглядовъ, какого нравственнаго потрясенія достигалъ онъ всего этого. Онъ отдалъ свое сердце толпѣ—хорошо безспорно, но не далъ этому сердцу суроваго и необходимаго спутника разсудка. Во всякомъ случаѣ мнѣ пришлось бы думать немало надъ разрѣшеніемъ моей задачи, еслибы все послѣдовательное теченіе жизни Достоевскаго вдругъ не предстало предо мной. Родился онъ въ больницѣ; первые жизненные шаги его были отмѣчены борьбой съ болѣзью, нуждой и горемъ; потомъ—Сибирь, страданія физическія и нравственныя, работа, подавляющая и облагораживающая. Тогда-то я понялъ, что угнетенная душа не могла подчиняться нашему анализу уже потому, что была явленіемъ исключительнымъ. Предоставляю это сужденіе тому, кто обладаетъ столькими же различными способами измѣренія, сколько существуетъ на свѣтѣ различныхъ сердецъ и жизненныхъ путей.
